

— А почему эта Башня, в которой мы сейчас, называется именно Башней Звездочтения, а не Звездословия?

— Мог бы сам догадаться! Понятное дело, потому, что любая башня, даже с самыми замечательными и совершенными инструментами для наблюдения за небом, может обеспечить тебе только то, что необходимо для звездочтёства и, максимум, для звездочтения. А вот звездословом тебя не сделает никакая башня и никакой телескопиум. Руны, слоги и слова может вывести, скажем, специальный печатный станок — слышал, такие появились недавно? Но смысла напечатанных слов станок никогда не поймёт.

Мэтр быстро прошёлся взад-вперёд, поглаживая бороду, а потом остановился напротив юноши.

— Итак. Подытожим. Звездословие — это наука, которая учит нас понимать по звёздам и планидам, когда и какие именно события будут происходить в этом Мире. Научившись хорошо понимать язык звёзд, ты осознаешь, что ничего случайного в Мире нет, сможешь вычислять время тех или иных действий, совершаемых людьми — и сможешь чётко предсказывать их последствия.

— Ну-у-у, — протянул Торин, который был переполнен свежими воспоминаниями о том, что сегодня творилось в храме, — на свете столько всего происходит случайно... И с совершенно непредсказуемыми последствиями...

— Да? — звездослов иронично поднял бровь. Помолчав немного, он спросил: — Как ты думаешь, почему я велел, чтобы ты пошёл вернуть вещи сегодня сразу после обеда? И два раза подчеркнул, чтобы ты поторапливался? По чистой случайности?

Торин еле поймал свою отвисшую челюсть и со стуком захлопнул рот.

А перед его глазами, как наяву, встала картинка из совсем недавнего прошлого. Трактир «Баронская подкова». Конец обеда. И мэтр Гаур, постукивая указательным пальцем по карманному хронометру, со смешком говорит: «Правильно предугадать последствия — это самое важное!..»

* * *

Чего только не повидал на своём веку главный чаровник-привратник Касбурга! Все жильцы и работники баронского особняка, от мала до велика, называли его просто «старик Бэри». При этом мало кто знал, что добродушный сухонький дедок с белоснежной курчавой бородой был обладателем множества научных званий и правительственные наград. Почётный профессор трёх магических академий, дважды доктор (юридических наук и математической магии), ветеран трёх войн, кавалер ордена за Грандиозные Заслуги 17-й степени и так далее и тому подобное. Да, он провёл весьма бурную жизнь – а теперь наслаждался всеми преимуществами уютного местечка чаровника-привратника. Ноги у него уже не те – бегать по полям сражений или по кабинетам всяких начальников. Другое дело, когда сыт и обласкан, сидишь себе в тепле или, ещё лучше, полёживаясь на диванчике, перекидываясь ничего не значащими фразами со всеми пробегающими мимо, да поглядываешь хитрым глазом вокруг.

В это утро старик Бэри, умостившись в удобном полу-кресле, сидел близ привратницкой и подрёмывал, изредка вскидывая голову. Накануне выдался суматошный денёк, все как с ума посходили с этими кардинальскими похоронами и всевозможными чудесами. До самой ночи взбудораженные люди носились туда-сюда, и чаровник толком не выспался. Да и позавчерашний вечер был не лучше – но тогда Бэри хотя бы успел закрыть на ночь ход через заднее крыльцо, а уже потом «его священство» изволили кататься на драконах в Зеркальной галерее.

Но расслабленный вид посапывающего старика мог обмануть только тех, кто плохо его знал. Когда мимо него, спеша от дверей заднего хода к лестнице в дом, проходили люди, каждый из них удостаивался цепкого взгляда привратника, а некоторые – и добродушного приветствия. Однако когда два поварёнка, со стуком распахнув входную дверь, втащили в дом большую корзину с овощами, сонное выражение мгновенно слетело с лица Бэри, он выпрямился в кресле и гулко крикнул:

— Стой!

Поварята, испуганно ойкнув, прижались к захлопнувшейся двери и застыли, не шевелясь. В одной руке старика, откуда ни возьмись, оказался пистоль, а ладонью другой руки он сжал висящий на его морщинистой шее амулет. Напротив привратницкой, заполняя всю стену между входной дверью и лестницей, висело большое зеркало. Могло возникнуть впечатление, что привратник грозно целится в собственное отражение — поскольку больше у подножия лестницы не находилось ни души.

Один из поварят, скривив рожицу, уже собрался было шепнуть своему напарнику, что старикан совсем сдал и надо звать лекаря, но его прервал новый грозный окрик Бэри:

— Пароль!

К изумлению поварят, в ответ из пустого пространства перед зеркалом раздался тихий смех, а затем хрипловатый мужской голос произнёс:

— Чудо Пятого Столпа. — И после небольшой паузы с нарочитым сожалением добавил: — Мэтр Бэриер, когда же я смогу вас обставить?..

Привратник опустил пистоль и в сердцах воскликнул:

— Тыфу ты! Шари, это ты, что ли?

— К вашим услугам! — И всего в двух шагах от зеркала прямо из воздуха соткался высокий представительный брюнет в офицерском мундире. Зеркало немного помедлило, но потом всё же решилось отобразить офицера, отдающего воинское приветствие чаровнику-привратнику.

— Впечатляет! — признал Бэри. — Но если ты к его блистательству на приём, то я бы рекомендовал что-нибудь поимпозантнее и постарше.

— Думаете? — бравый офицер повернулся к зеркалу, критически себя осмотрел — и вдруг его фигура подёрнулась волнами, а через пару мгновений на его месте уже стоял пожилой мужчина в дорогом камзоле, расшитом серебром, и с солидным брюшком. Его нос заострился, глаза стали пронзительнее, роскошная чёрная шевелюра сменилась блестящей лысиной, а массивная нижняя челюсть выдвинулась вперёд.

Зеркало вновь замешкалось, но когда мужчина свирепо показал ему кулак, послушно сменило изображение.

— Да, так лучше, — и странный гость улыбнулся привратнику. Тот ответил ему тёплой улыбкой.

Их отвлёк глухой стук. Повернувшись к двери, оба мага увидели, что это окончательно ошалевшие поварята выронили корзину.

— А ну хватайте корзину — и на кухню! — Стариk Бэри с уморительной грозностью насупил седые брови. — Не видите, важный человек к господину барону по делу пришёл.

* * *

Солнечные лучи врывались сквозь стрельчатые окна в огромную комнату на втором этаже баронского особняка, отскакивая от многочисленных полированных поверхностей и играя друг с другом в пятнашки. Их ничуть не смущало то, что здесь творились очень даже серьёзные и значительные дела. Ведь эта комната, несмотря на свой простор и яркую игру солнечных зайчиков, имела довольно-таки скучное название «кабинет для сугубых дел».

Барон Эльдо, внимательно изучив верительные грамоты, откинулся на спинку массивного кресла.

— Просто замечательно, — подытожил он. — Мастер Тоссу, вы именно тот, кто нам нужен. Специалист по расследованиям столь высочайшего уровня, причём соблюдающий полный нейтралитет! Нам необходимо получить совершенно объективную картину того, что произошло.

Маг-дознаватель неторопливо досmakовал содержимое вместительного бокала, после чего веско произнёс:

— Разумеется. В этом и заключается моя работа. — Отставив бокал в сторону, он переплёр пальцы на своём внушительном животе и продолжил: — Но прежде чем приступить к существу дела, должен вас предупредить. Имеется ряд стандартных договорённостей, которые обычно не вызывают у клиентов никаких возражений. Однако, если желаете, мы можем обсудить их по отдельности.

— И что это за договорённости?

— О, они вполне просты — и направлены как раз на удержание нейтралитета и объективности расследования. Во-первых, я всегда работаю инкогнито. Никто, кроме непосредственного заказчика, не должен знать имени того, кто ведёт расследование, и откуда он прибыл. Поэтому мастер Шарьеру Тоссу я только для вас. Для всех остальных я буду просто «маг-дознаватель барона Касбургского». Более того, в ходе расследования я собираюсь активно использовать изменение внешности — так что никто даже не поймёт, сколько именно дознавателей работают по вашему заданию. Всё это делается для того, чтобы свести возможность давления на следствие к минимуму.

— Весьма разумно, — пробормотал барон. — Но как при таких условиях мои люди — да и все прочие — смогут удостовериться, что вы действуете по моему поручению? И как быть... э-э-э... в случае, если меня — не дай Бог, конечно, — не удовлетворит ваша работа?

— Оба этих вопроса решаются очень легко. Для удостоверения моих полномочий вы напишете документ на предъявителя, скреплённый Большой Баронской печатью: мол, предъявитель сего уполномочен вести расследование, и всем подданным баронства Касбургского рекомендуется оказывать всемерное содействие следствию и так далее. У меня есть типовой образец. В вашем личном присутствии ваш главный маг проведёт соответствующий обряд слияния документа с моей аурой, чтобы закрепить невозможность передачи этого документа мною любому другому лицу. Так что вы всегда будете уверены: как бы ни выглядел человек, который предъявит данный документ, это буду именно я. — Маг-дознаватель устремил свой колючий взор прямо в глаза барону Эльдо, отчего тот сразу почувствовал себя неуютно. Выдергивая паузу, чародей отвёл взгляд в сторону и продолжил: — А в случае, если вас не удовлетворит качество моей работы, вы в любой момент можете обратиться в нашу международную штаб-квартиру, указав мое истинное имя, которое вам известно. В добросовестности нашей организации не сомневается никто из стран-участниц

Совета Восьми. Если бы следствие, проведённое мною для кого-то из предыдущих клиентов, оказалось неудовлетворительным, то, будьте уверены, действие всех представленных вам верительных грамот было бы приостановлено. А любой заклинатель подтвердит вам, что эти документы сейчас действуют.

— Хорошо-хорошо, — замахал руками барон. — Нас вполне устроят типовые договорённости.

— Отлично, — чародей залпом допил свой бокал. — О ходе расследования у нас принято сообщать заказчику не реже, чем раз в три дня. Хотя не думаю, что дознание затянется надолго. Вам ведь требуются только доказательства отсутствия умышленной подтасовки фактов, лжесвидетельств или магического воздействия, так? В естественной причине смерти его благосвященства сомнений нет?

— О да, убийство или несчастный случай исключаются... Хотя... если вы это перепроверите лишний раз, будет только лучше. Но главное — это убедиться в отсутствии какого-либо заговора или иной политической подоплёки всех этих чудес. И хотя сыны Божьи уже сами ведут опрос свидетелей, нам бы, для большей убедительности и надёжности, тоже хотелось бы принять участие в... э-э-э... В общем, по итогам расследования мы собираемся представить все требуемые свидетельства сотворённых чудес в Джерашлим. Дабы Церковь Единого Бога рассмотрела вопрос о канонизации Среднего сына Божьего Эйлия. Да вознесут Столпы его душу!

— Эрайа! — мастер Тоссу потёр свой могучий подбородок.
— Позвольте полюбопытствовать, ваше блистательство?..

— Да-да?

— Скажите, а почему вы всё-таки решили воспользоваться услугами профессионального дознавателя? Не ясновидящего, не звездослова, а именно чародея-дознавателя? Только из-за новолуния?

Барон Касбург громогласно хмыкнул. Поговорку «слепой, как ведьма в безлунную ночь» в Турландии знал каждый младенец. Сия народная мудрость отражала тот загадочный факт, что подавляющее большинство провидцев почему-то очень

туманно описывают события, которым суждено случиться на тёмной луне. А чудеса святого Эйлия пришлись аккурат на новолуние.

— Понимаете, в чём дело, гэр Шарьеру... Даже если бы Серп не был сейчас столь тонким, не обратился бы я к этим вешунам. Не доверяю я что-то ясновидящим. Они то одно видят, то другое — и каждый раз безапелля... пляцион... в общем, говорят, как отрубают: мол, нам открылась истина, самая что ни на есть! Моя покойная супруга, моя голубка... — Голос барона неожиданно дрогнул, он выудил из бездонного кармана платок размером со скатерть и громогласно высыпался. — Она заболела так внезапно! И смерть её была столь ужасна! Она была так молода! А ясновидящие ей хором предрекали либо смерть в этом самом особняке в столетнем возрасте — в окружении двух дюжин правнуков, либо тихую кончину на сто пятом году жизни в одном из северных монастырей...

— Понимаю, — губы мага-дознавателя тронула ироническая полуулыбка.

— А мне нужна настоящая правда! — барон Эльдо стукнул кулаком по столу. — Не чьи-то видения того, что могло быть, а могло и не быть! Правда! Уверенность!

— А что вас отвращает от привлечения звездословов? Насколько я знаю, как раз в вашем городе практикует знаменитый мэтр Гаур, проницательно раскрывший не одно запутанное дело. А когда дознаватель идёт по следу рука об руку со звездословом, результаты бывают особенно впечатляющие.

— Здесь другая проблема... — барон изобразил на своём лице странную гримасу. Лишь богатый профессиональный опыт позволил мастеру Тоссу идентифицировать её как выражение некоторого смущения. — Мэтр Гаур и впрямь грандиозный специалист. В последние дни я осознал это, как никогда. Но понимаете... особенности нашей политической ситуации... Между баронствами Турландини разногласия очень остры... И в итоге... — Его блестательство активно зашевелил пальцами правой руки, будто пытаясь поймать ими правильные слова. — В общем, мэтр Гаур принёс Клятву Абсолютной Верности всем баронам Турландини.

— Что-о-о?? — от удивления маг-дознаватель даже привстал в кресле. — Это же означает...

— Да, — вздохнул барон Эльдо. — Он будет находиться под угрозой немедленной смерти всякий раз, когда попробует совершить что-то, направленное против интересов любого из баронств. Если он авторитетно подтвердит, что, например, вчерашние события каким-то образом могут помешать процветанию Барона баронов (а вы, я думаю, понимаете, почему это так), и на информации мэтра будут базироваться наши решения на уровне общетурландской и международной политики, то...

— Его развеет по ветру, — пробормотал мастер Тоссы.

— Увы, именно так... Только не подумайте, этот жуткий обряд был вовсе не моей инициативой. Но когда все бароны жаждут выстроиться в очередь на консультацию к великому звездослову... А при этом их обуревают опасения, что он станет выдавать им тайны друг друга... Сами понимаете, это было вполне обоснованное решение. Так и мэтру не нужно скрываться, всё время боясь похищения, пыток или чего-то подобного, и все бароны могут консультироваться у этого восхитительного специалиста по своим частным делам.

— М-да... С этой точки зрения жизнь знаменитого звездослова я никогда не рассматривал... — протянул чародей.

— Поэтому мэтр Гаур никоим образом не может быть за действован в расследовании на официальном уровне. Опять же повторюсь, мне нужна беспристрастная картина произошедшего, а мэтр беспристрастным быть не может... просто физически.

— Понимаю. Догадываюсь также, почему вы не хотите обратиться к другому звездослову. Это привело бы и к невольному оскорблению гэра Ликаса, и к недоумению мировой общественности: почему для работы в Касбурге был привлечён какой-то местный звездослов более низкой квалификации, чем мэтр, или вовсе кто-то со стороны?.. Пошли бы всякие слухи, что, мол, знаменитый Гаур не разделяет официальную точку зрения... А значит, результаты расследования сомнительны... Да и уровень других звездословов после постоянных консуль-

таций у такого светила у вас лично вызывал бы сомнения...

— Вы всё точно угадали, — вздохнул Эльдо Касбург. Встрепенувшись, он добавил: — Но это вовсе не значит, что я не хотел бы вашего сотрудничества с мэтром Гауром. Напротив! Очень рекомендую вам с ним пообщаться! Вы теперь знаете, каких именно щекотливых тем в беседе с ним лучше не затрагивать, да и он сам прекрасно это знает. Однако во всём остальном он может оказаться крайне полезным источником информации. Хотя не исключаю, что после этой нашей беседы вы предпочтёте обходить его Башню Звездочтения за несколько кварталов...

Оба собеседника помолчали. Мастер Тоссу, задумчиво подвигав своей недюжинной нижней челюстью из стороны в сторону, оценивающе взглянул на барона и негромко произнёс:

— Ваше блистательство... Раз уж мы заговорили о соблюдении интересов баронов... К типовым договорённостям мы нередко добавляем и ещё одну. Но многие клиенты её сознательно отвергают...

Его блистательство молча вперил взор в чародея. Несколько мгновений они внимательно смотрели друг другу в глаза, после чего мастер Тоссу проникновенно продолжил:

— Моя задача — выяснить истину. Однако истина, как мы только что говорили, бывает не только горька и неприятна, но порой и убивает. Вы уверены, что истина — превыше всего?

Барон Касбург несколько охрипшим голосом ответил вопросом на вопрос:

— И как именно звучит эта ваша договорённость?

— «Если результаты дознания наносят несомненный вред вашей семье и/или вашему баронству, они могут быть не озвучены».

— То есть, вы не расскажете о результатах даже мне?! — вскинулся барон.

Мастер Тоссу вкрадчивым тоном пояснил:

— Всё, что услышите вы, сможет услышать и ваш главный маг. А что узнает он, могут узнать и другие заинтересованные персоны. Гэр Баттис ведь не только главный маг Касбурга, но

и брат вашей покойной супруги. И близкий родственник ещё четырёх баронов, не так ли?..

Эльдо Касбург на риторический вопрос не ответил, но сразу приутих.

— А кто тогда будет определять вредоносность информации? — неуверенно уточнил он.

Дознаватель пожал плечами.

— Я направлю доклад в нашу международную штаб-квартиру, и руководство решит, правильно ли я оцениваю ситуацию. А вы сами знаете, каково реноме у нашей организации.

Барон Эльдо скривился, но кивнул.

— Что ж. Значит, «вред моей семье и/или баронству...». А почему «и/или»?

— Вы сами вольны выбрать.

— Хм... Моей семье... Всей семьи-то — я да дочка моя не-наглядная. Но как Джанти может оказаться впутанной в эту историю? Ясно, что никак... А моё баронство... Понятное дело, я хочу пользы и прибыли Касбургу и не хочу вреда. Но во всей нынешней шумихе с чудесами я вижу только плюсы для Касбурга. Даже если чудеса будут объяснены естественными причинами, ситуация не изменится в худшую сторону — она может измениться только в лучшую. Поэтому не вижу по данному пункту никаких особых проблем... Но если...

Барон задумался. Маг-дознаватель терпеливо подождал с полминуты, а потом, деликатно кашлянув, задал вопрос:

— Итак, ваше решение? Мы вносим этот пункт в нашу договорённость? А если вносим, то в какой формулировке?

Вновь встретив взгляд чародея своим глазами, Эльдо Касбург произнёс, веско роняя каждое слово:

— Что ж. Вносим. Со словом «и». Лишь только если истина будет во вред *и* моей семье, *и* моему баронству, результатам дознания ход не будет дан.

* * *

Когда худощавый юноша с длинной косой воина и в не-приметной запылённой одежде вышел из резиденции барона, старику Бэри неспешно совершил свой дневной мюцион. Прогуливаясь по тихой уличке, привратник при этом ни на секунду не упускал из виду заднее крыльцо особняка. Увидев, кто именно вышел из дома, он расплылся в улыбке.

— Ну что, Шари, как успехи? Загрузили тебя нашими проблемами?

Юноша изящным жестом взмахнул правой рукой, и перед глазами старика развернулся большой лист бумаги с сияющей Баронской печатью. Быстро окинув документ своим цепким взглядом, привратник хмыкнул:

— Как я понимаю, будешь разбираться с чудесами кардинала Эйлия и его смертью?

— Именно так, — ломким юношеским голосом ответил магдознаватель. — Мэтр Бэриер, а вы сами что думаете по поводу всего произошедшего?

— Ох, давненько меня не называли мэтром Бэриером. Сейчас я для всех просто «старик Бэри»...

— Надо сказать, что и меня никто уже не зовёт Шари, — усмехнулся юный воин. — Для всех я просто «мастер дознаватель».

— Вообще для всех? — с хитринкой уточнил старику. — Значит, семёёй ты всё никак не обзаведёшься?

Юноша махнул рукой.

— Да нет, не до того как-то... Вы что, меня специально уводите в сторону? Неужели вам нечего сказать обо всех этих чудесах? Или не хотите делиться своими мыслями?

Старику Бэри, покряхтывая, уселся прямо на крыльце и огладил свою кудрявую седую бороду.

— Вряд ли у меня когда-либо были ученики лучше тебя, Шари. И с тобой я всегда рад поделиться своими наблюдениями — тем паче, для пользы дела. Но в этом расследовании я мало чем могу тебе помочь. И вчера и позавчера я дежурил вот здесь, никуда не отлучался, на прощальной церемонии в

храме не присутствовал. Все священники, доктора и дознаватели ходили через парадный вход. Так что кардинала Эйлия я вовсе не видал – ни живого, ни мёртвого, ни в духе, ни в теле. Никого постороннего я в эти дни не впускал и не выпускал. И обо всём, что случилось, знаю только по слухам да пересказам. Лучше уж ты лично всё перепроверь.

– Что ж… – маг-дознаватель задумчиво поводил носком туфли по пыли у крыльца. – Знать, что тылы здания надёжно охранялись таким мастером, как вы, это уже немало. А сколько всего здесь служит чаровников-привратников?

– До недавнего времени было четверо. На каждый вход по два напарника, сменяющих друг друга. Но одного, Кэсса, слава всем Столпам, уволили, как только открыли зеркальный коридор на главном входе, то есть с неделию назад. Бездельник был редкостный. Уж лучше знать, что вход вовсе не охраняется, чем ставить такого оболтуса. А его напарник, Зор, теперь работает только в часы, когда его блистательство принимает гостей или просителей. В остальное время неплохо справляется и обычная стража вместе с зеркалами.

– Признайтесь, мэтр, ведь зеркальный вестибюль – это ваша идея?

Глаза старика весело заискрились.

– От тебя ничего не скроешь! Да, я давненько его блистательству на ушко эту идею нашёптывал. Ему же деньги некуда девать – а мне лишняя надёжа. Вот уйду скоро совсем на покой – кто его дом тогда охранит? Не вешать же барону магические колокольчики над входом! Их обдурить – раз плюнуть…

– Это да, – согласился юный вояка. – Колокольчики – не дело, хоть и дорого стоят. Их только ради бахвальства вешать. Или от полной безысходности… Но неужели оставшиеся двое чаровников настолько плохи?

– Да нет, грех жаловаться, сам их выпестовал. Это я постариковски ворчу. Однако и зеркальный коридор лишним не будет. Признайся, ведь не захотелось тебе проходить через него, а?

Юношу невольно передёрнуло.

— И не говорите. Одно зеркало, как вы видели, мне не помеха. Могу не только добиться отображения личины, но и вовсе оставаться невидимкой...

— Да, подобный фокус у тебя мастерски получается. Я большое удовольствие получил от твоего утреннего представления.

— Но это требует такой концентрации на данном конкретном зеркале, что... Два зеркала мне обмануть уже не удаётся — практически никогда. А целый коридор — что тут говорить!

— Ну, ты не прибедняйся. Кроме тебя, как мне думается, и одно-то зеркало полностью обмануть мало кто сможет. Если в последнее время не появился какой-нибудь новый самородок, то таких на свете нынче... да, всего четыре человека. Или даже три, ежели умения мастера Кярта преувеличены слухами. Только не забывай, прошу тебя: глаза глазами, но у всех у нас имеются и другие органы чувств.

На безусом лице юного воина проявилась унылая гримаса:

— Это я понимаю... Вы же меня по запаху сегодня учудили, правда ведь?

— Ну-у, прежде всего, — уклончиво протянул старик.

Дознаватель вздохнул:

— Увы, полностью экранировать запахи — не мой конёк.

Насупив брови, Бэри прогнусавил:

— Совершенству предела нет, помните об этом всегда! — И тут же расхохотался вместе с Шари. Очевидно, эта фраза живо напомнила им какого-то общего знакомого.

Отсмеявшись, юноша протянул старику руку и помог ему подняться с крыльца.

— Что ж... Было очень приятно вас повидать, мэтр Бэри-эр! Надеюсь, мы поболтаем с вами ещё не раз. Но позвольте последний вопрос. Вы говорите, что Зор сейчас работает на парадном входе, а тут у вас есть напарник. Как же тогда получилось, что уже три дня подряд вы караулите здесь без смены?

— Да всё просто. Сейчас проходит магический симпозиум в Туре, приуроченный к Стержневой неделе Водного Столпа.

И я сам порекомендовал нашему главному магу взять туда с собой Лардуса, моего сменщика. Он парень молодой, любознателльный, и заклинатель весьма неплохой, особенно в магии водной стихии. Что ему тут киснуть – пусть науке учится, пока есть возможность. Самому гэру Баттису пришлось спешно вернуться вчера вечером, после всей этой катавасии в храме, а Лардус остался там до конца симпозиума. И пусть! Мне не в тягость.

Тепло попрощавшись со стариком, юный воин нырнул под арку раскидистых деревьев, чтобы по тенистой улочке не спеша пройти в сторону центральной площади Касбурга. Попутно он цепко оглядывал окрестности, уделяя особое внимание стенам и ограде баронской резиденции, что тянулась по левой стороне дороги. Один раз он даже остановился для более тщательного осмотра. Убедившись, что на боковой проезд выходит лишь одинокое окошко на четвёртом этаже особняка, да и то забрано решёткой, юноша покачал головой и решительно направился дальше.

Но на площадь вышел уже другой человек: немного жено-подобный мужчина средних лет, покачивающий бёдрами во время ходьбы. Его узкое лицо с большими, выразительными глазами и маленьким прямым носом было украшено скучной растительностью над верхней губой. Коротко стриженые чёрные волосы прятались от солнечных лучей под стильным беретом. Образ дополнял тёмно-малиновый сюртук и такого же цвета узкие штаны, заправленные в маленькие кожаные полусапожки.

Мужчина пропдефилировал в центр площади, повертел головой по сторонам, как заправский турист в новом для себя городе, и на некоторое время застыл перед храмом с четырьмя колоннами над крышей, будто бы восхищённо любуясь главной местной достопримечательностью. Закончив внешний осмотр церкви и развернувшись лицом к резиденции барона, он еле слышно пробормотал: «Да уж, страшен мне этот ваш зеркальный коридор! Боюсь до судорог!» – после чего со шкодливым выражением лица двинулся прямо к центральному входу в особняк.

По прошествии следующего часа стражники, охранявшие зеркальный вестибюль, вкупе с чаровником-привратником Зором, прокляли всё на свете из-за въедливости странного господина в малиновом. Вначале он тщательно изучил свои многочисленные отражения, явно находя в этом немалое удовольствие. Потом он заглянул за раму каждого зеркала и простукал чуть ли не каждую плитку пола. А стеклянная дверь, несмотря на то, что была небьющейся и очень толстой, в ходе магических экспериментов дознавателя крайне жалобно дребезжала в своей раме и чуть ли не выгибалась дугой. После этого последовал поочерёдный допрос каждого из стражников, которые дежурили на этом месте в вечер чудес. И если предыдущие две ночи большинству из них снились полёты кардинала на упряжке драконов, то в ночь, которая последовала за визитом дознавателя, их снами завладел один и тот же кошмар. В них впивались огромные серые глаза с бездонными зрачками, видевшие все-все проступки несчастного сновидца (вплоть до истерики на пустом месте, устроенной в трёхлетнем возрасте перед родителями). А во множестве зеркал парадного вестибюля отражались бесчисленные береты и тонюсенькие усы.

